

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
М89

Публикуется по изданию:

Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец
Февральской революции. Берлин – Петербург – Москва, 1922;
Октябрьские дни. М., 1927;
Брестские переговоры. (Из дневника). СПб., 1918.

Мстиславский, Сергей Дмитриевич

М89 Пять дней: Начало и конец Февральской революции; Октябрьские дни; Брестские переговоры / Вступ. ст. С. И. Дробязко; примеч. Д. Д. Зелова. — М.: Кучково поле, 2017. — 320 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9950-0837-8

В настоящее издание вошли три малоизвестных и разноплановых произведения писателя-революционера Сергея Дмитриевича Мстиславского, посвященные драматичным событиям 1917 года, непосредственным участником которых он был. Автор воссоздает события того времени — от перехода войск Петроградского гарнизона на сторону восставших до разгона Учредительного собрания — передающие атмосферу революционного города, рисует портреты людей, игравших заметную роль в событиях, приведших к коренному переустройству общественной и политической жизни России.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0837-8

© ООО «Кучково поле», 2017

Вступительная статья

Революционер и писатель, Сергей Дмитриевич Мстиславский (настоящая фамилия — Масловский) родился 23 августа 1876 г. в Москве в семье дворянина и профессионального военного. Его отец — генерал-майор Дмитрий Федорович Масловский (1848–1894) был известным военным историком, профессором и начальником кафедры русского военного искусства Николаевской академии Генерального штаба. Получив среднее образование в Первой Московской частной гимназии Ф. И. Креймана и в гимназии при Историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге, Сергей поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, откуда был отчислен в 1899 г. за участие в студенческой манифестации. Два года спустя ему удалось сдать экстерном государственные экзамены и устроиться на службу библиотекарем в академию Генштаба.

Социально-политические потрясения тех бурных лет не обошли стороной Сергея, как и многих из его сверстников. В 1904 г. он вступает в Партию социалистов-революционеров и уже в следующем году становится председателем межпартийного Боевого рабочего союза, а также одним из руководителей нелегальной военной организации «Всероссийский

офицерский союз» и редактором выпускаемого союзом подпольного журнала «Народная армия». Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. Сергей, действуя под разными партийными псевдонимами, участвовал во многих акциях эсеров, занимался подготовкой вооруженного восстания в Петербурге и Кронштадте. В 1910 г. Мстиславский был арестован и оказался в камере Петропавловской крепости, однако из-за непричастности к подготовке восстания в Финляндском военном округе (в чем его пытались обвинить), вскоре вышел на свободу и вернулся к подпольной работе и службе в академии.

В 1916–1917 гг. Мстиславский входил в общественно-литературную группировку «Скифы», будучи одним из редакторов двух одноименных сборников. Своеобразным манифестом этой группы стало пронизанное романтическими революционными настроениями введение к первому сборнику «Скифы», где уделом «мятущихся духовных скифов» провозглашалась «неудовлетворенность и непримиримость», а «проповеди тихого, умеренного приятия жизни, тихого, размеренного житейского горения» противопоставлялась «вечная революционность» исканий «непримиренного и непримиримого духа», «благоразумию» — «святое безумие».

Вскоре Сергея Дмитриевича вновь захватил водоворот революционных событий. В конце февраля 1917 г. он вместе с другими старыми революционерами, делегатами восставших воинских частей и заводов оказался в созданном на скорую руку штабе восстания, заседавшем в Таврическом дворце, а затем работал в Военной секции Петроградского совета. Его «звездным часом» стала миссия в Царское Село, когда Петросовет заподозрив намерение Временного правительства отправить отрекшегося от престола Николая II в Англию, принял решение арестовать бывшего мо-

нарха и поместить его в Петропавловскую крепость. Однако Николай II к тому времени уже находился под стражей, и миссия Мстиславского, явившегося 9 марта с воинским отрядом в Царское Село, оказалась исчерпана после того, как ему предъявили арестованного царя, а Временное правительство и министр юстиции А. Ф. Керенский дали Исполнительному комитету Петросовета соответствующие гарантии. Сам же Мстиславский наотрез отказался от предложенной ему должности комиссара по надзору за императорской семьей.

После Октябрьского переворота и раскола партии эсеров С. Д. Мстиславский вошел в ЦК партии левых эсеров (ПЛСР), поддержавших большевиков. II съезд Советов, утвердивший своим голосованием приход к власти Совета народных комиссаров, избрал его во Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК). В ноябре 1917 г. Сергей Дмитриевич как представитель партии левых эсеров входил в состав первой советской делегации на мирных переговорах с немцами в Брест-Литовске. Зимой 1917–1918 гг. он являлся председателем Комиссии ВЦИК по формированию партизанских частей, комиссаром всех партизанских формирований и отрядов РСФСР, а в апреле 1918 г. возглавлял «штаб формирования партизанских отрядов» и даже командовал войсками на фронте Воронеж — Зверево, имевшими задачу остановить немецкое наступление с территории Украины. После подавления большевиками восстания левых эсеров, пытавшихся спровоцировать войну с Германией (6–8 июля 1918 г.), Мстиславский, к тому времени уже не принимавший участия в активной партийной работе, окончательно порвал с ПЛСР и примкнул к украинским социалистам-революционерам — боротьбистам.

В 1921 г. С. Д. Мстиславский отошел от политической деятельности и целиком посвятил себя литературному творчеству. Его перу принадлежит ряд романов из истории революционного движения в России: «На крови» (1927) — о революции 1905–1907 гг., «Партионцы» (1932) — о народовольцах, «Накануне. 1917 год» (1937) и др. Особенную известность приобрел его роман о Н. Э. Баумане «Грач, птица весенняя» (1937). Книги «Крыша мира» (1925) и «Черный Магома» (1932) посвящены жизни народов Средней Азии и Кавказа. Мстиславский был одним из создателей и членом редакции журнала «ЛОКАФ» (с 1933 г. журнал «Знамя»), редактором издательства «Федерация», кроме того руководил семинаром Литературного института. Оценив писательский талант Сергея Дмитриевича, партийное руководство назначило его официальным биографом В. М. Молотова. Несмотря на свое эсеровское прошлое, С. Д. Мстиславский, в отличие от многих бывших товарищей по партии, не подвергался репрессиям и скончался 22 апреля 1943 г. в Иркутске, где находился в эвакуации.

Книга «Пять дней. Начало и конец Февральской революции» в творчестве С. Д. Мстиславского занимает особое место. Это не роман, а документальный рассказ о некоторых событиях революции 1917 г. их непосредственного и активного участника. Хронологические рамки повествования заключают в себе период с конца февраля 1917 и до начала января 1918 г., определяя начало революции переходом войск петроградского гарнизона на сторону восставших, а ее завершение разгоном большевиками Учредительного собрания. Таким образом, перед глазами читателя проносятся ряд ярких эпизодов, передающих атмосферу революционного Петрограда, на фоне которых высвечиваются портреты людей, игравших ту или иную роль в драматических событиях.

Вошедшие в эту книгу произведения С. Д. Мстиславского были изданы впервые вскоре после революции и с тех пор ни разу не переиздавались. Публикация воспоминаний писателя-революционера, предпринимаемая в год столетия российских революций 1917 г., будет особенно ценна, интересна и актуальна для всех любителей отечественной истории и культуры.

С. И. Дробязко

— Давно бы так...

Шумно и весело, словно у всех от души отлегло, перекликаются в ложах солдаты, потягиваясь, разминаясь после долгого, томительного сидения... Кто-то зевнул во весь рот... «Берегись, покойника не проглоти».

— ...А быть бы покойнику... да и не одному, — шурясь, говорит, встряхивая головой, словно отгоняя остатки недавней, еще свежей, еще вспененной кровью мысли, молодой добродушный матрос. — Без малого в грех не ввели...

— А начесали бы нам за это...

— За это-то дерьмо! Кронштадтцев!..

Тесной гурьбой, отжимаясь друг к другу, как стадо овец, толпятся к дверям депутаты. Все к одной: направо вторая, левая дверь раскрыта также, но им, видимо, не хочется разлучаться...

Я жду их у выхода, в вестибюле, Они проходят, по-прежнему, тою же тесной, овечьей толпой, стараясь не оглядываться по сторонам, как дети в потемках.

Но кругом — никого: ни в вестибюле, ни во дворе, ни на улице... Пусто.

Под руку, отступаясь в снегу, серединою улицы, подалее от ворот и заборов, бредут они, все также, всею фракцией, по Таврической. Молча. Жутко. Беспомощно.

И, обгоняя, их, я слышу, как Зензинов (по голосу, — неясно маячит в темноте фигура) говорит соседу, мрачно хлопающему галошами по сугробам:

— Ведь, правда, мы держались с достоинством?

Последние, зыбкие, убегающие тени Февральской революции...

Петербург — Москва.
1917–1918 гг.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ

I

Февральское Временное правительство — кабинет Милюкова — Гучкова — Керенского, т. е. широкой буржуазной коалиции, от черносотенных зубров до мелкой радикальствующей буржуазии, — фактически было «однодневкой». Уже с первых мартовских дней оно явственно и быстро двинулось под уклон: его обреченность стала очевидной в эпоху апрельского и майского кризисов, приведших к премьерству Керенского как последней ставки буржуазии. Но и Керенский «не оправдал надежд». Адвокат и фанфарон — мастер «слова для слова», которое было для него профессией, он не смог уйти дальше слов: к делу он оказался неспособен. К тому же он — как и все политические деятели его круга и его класса — боялся массы, «толпы», от благосклонного взгляда которой он зажигался фальшфейерами цветистых слов, от насупленных бровей, от враждебного оклика которой он мгновенно терял и мысли, и слова. Но ключ к овладению революцией лежал в массах — ибо творцами революции — ее движущей силой, были только они. И «заговорить их» можно было только на короткий момент, ибо требования их: прекращения войны, ликвидации помещиков и капиталистов, перехода земли к крестьянам — он, конечно, не мог ни в какой мере удовлетворить, поскольку внешнюю политику его диктовали послы

Антанты, а внутреннюю — земельная и финансовая буржуазия. Конфликт между ними и массами был неизбежен. Социалистическая подкраска министерства введением в кабинет «министров-социалистов» Чернова, Авксентьева, Скобелева, Церетели — ненадолго замаскировала действительную социальную сущность керенщины. В решающей для дальнейших судеб движения борьбе между «правыми» и «левыми» за армию, Керенский, с его причудливым штабом из социал-революционеров и архи-гвардейцев, безнадежно и головокружительно проиграл. После же июньского наступления — судорожной попытки «премьера» староцарским, традиционным способом выпрямить свой отчаянно прогибавшийся политический фронт — развал власти стал развиваться буквально катастрофически. В момент корниловской авантюры Керенский был уже политическим мертвецом. А поскольку именно в нем, в его тщедушной фигурке, олицетворялась мартовская власть — его «кризис», его катастрофа были, естественно, кризисом и катастрофой — всей власти в целом.

Соответственно этому быстро и уверенно росло в массах влияние большевиков — единственной революционной группы, от первых дней открытого своего выступления перед массами последовательно проводившей лозунг немедленного реального мира и «наглядной», до полной «экспроприации экспроприаторов» доведенной социальной революции. Особую силу агитация большевиков приобрела с приездом Ленина, на 1-м же майском съезде крестьянских депутатов выступившего с предложением «попугать капиталистов» и вместо затеянной керенщиной «землеустроительной канители» со всяческой статистикой и тому подобным крючкотворством приступить к непосредственному захвату земель.

Первую атаку Ленина на аграрном фронте «старым» социалистическим партиям удалось, впрочем, кое-как отбить. Крестьянский съезд, по выражению тогдашнего председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Н. Чхеидзе, «удержался на наклонной плоскости»; крестьянство — до времени осталось за народниками; зато в армии пропаганда немедленного мира и братанья быстрее быстрого вырвала почву из-под ног насаженных Керенским комиссаров. Такой же широкий отклик находили идеи большевизма и в рабочих кварталах. В итоге: основной лозунг левого революционного крыла движения: «Вся власть Советам» — как путь к осуществлению мира и передачи земли, и экспроприации экспроприаторов — как первый шаг к мировой социальной революции, во имя которой подымались мы, интернационалисты, — к осени стал подлинным боевым кличем масс, еще ждавших своей революции, поскольку февральский переворот не только не изменил ни в чем их положения (он не дал им ни мира, ни земли, ни хлеба, ни воли), но, в силу бескровности своей, отсутствия борьбы, оставил всю их годами накопленную революционную энергию неразряженной. И Ленин, чутко воспринимавший эту напряженность, торопил Центральный комитет — «покончить».

«Довольно тянуть канитель, — писал он Центральному комитету во время Демократического совещания, — нужно окружить войсками Александринку, разогнать всю шваль и взять власть в свои руки». Вслед за тем Ленин переехал в Петроград из финляндского своего подполья и приступил, не теряя дальнейших слов, к открытой пропаганде восстания, публикуя о нем — вопреки всяким стратегическим «традициям» — целые фельетоны в газете.

В те дни, помнится, открытость эта смущала многих: история привыкла к «конспиративности восстаний», привыкла к тому, что открытое восстание за-

ранее обречено на неуспех. И для многих, слишком многих лишь спустя долгий срок стало ясно, что именно «открытость» подготовки восстания по ленинскому плану вернее всего обеспечивала ему успех.

Стратегический план Ленина — предпосылки которого даны еще в первых знаменитых его тезисах — охватывал стратегическое развертывание ударных сил революции — и решающий удар: восстание. Именно восстание: не в пример большинству тогдашних работников левого революционного крыла, Ленин правильно оценивал значение захвата власти с боя: не путем переговоров, соглашений, компромиссов, а именно с крови, с боя. В соглашении, в договоре есть взаимное признание сторон: таковы мирные договоры, заканчивающие «обычные» междугосударственные войны, после которых вчерашние заклятые враги становятся друзьями и союзниками. Но в классовой войне сегодняшний враг никогда не станет другом; взаимопризнания здесь по существу самому не может быть: оно явилось бы нарушением основного принципа, основного смысла войны: абсолютная непримиримость здесь — условие обязательное. Власть Советов могла установиться лишь как непримиримое противопоставление — как чисто-буржуазной власти, так и всякой коалиционной мешанине; чтобы установить ее, надо было сбросить в сторону, вниз, в небытие — противостоящие классы и сбросить именно в открытом бою так, чтобы в сознании самых несознательных идея классовой непримиримости утвердилась бесспорно и прочно. Ибо только на такой абсолютной непримиримости и может быть тверда советская рабоче-крестьянская власть.

Соотношение классовых сил к осени 1917 года, когда выполнена была та часть ленинского плана, которая касалась стратегического развертывания, не оставляло сомнения в том, что в открытом, боевом

классовом столкновении буржуазия будет разбита. В итоге работы по этому развертыванию, пролетариат за ничтожным — и пассивным — исключением был за переворот, за переход власти; солдатские массы, за которые главным образом шла борьба в послефевральский период были — опять-таки за ничтожными исключениями — если и не привлечены в ряды активных борцов за революцию, то, по меньшей мере, нейтрализованы. Если они не были за нас, то они были, во всяком случае, против буржуазии, требовавшей продолжения войны. Крестьянство, не дождавшись «законной» передачи земли, уже начинало подниматься само на захват ее. И в этой обстановке, конечно, представлялось наиболее выгодным, чтобы классовый враг наивозможно полнее сосредоточил те ничтожные в общем боевые силы, которые находились еще в его распоряжении: это открывало возможность не разбить его, но покончить с ним — с одного удара. Открытая подготовка восстания привела именно к такому обеспечивавшему полноту нашей победы сосредоточению неприятельских сил. В этом был глубокий стратегический смысл, ставящий ленинский стратегический план 1917 года на совершенно исключительное место в истории революционных восстаний.

II

Правильности стратегического расчета соответствовала правильность тактических действий: недаром Ленин был, прежде всего, практиком революции — рево-

люционером-профессионалом, человеком, знающим не только программное «что делать», но и практическое «как делать». Уверенность этих действий проявилась тем ярче, что на стороне против пика за весь период борьбы, закончившейся победным октябрьским восстанием, наблюдалась полнейшая растерянность. У Керенского и его сторонников не было собственного плана; они метались от одного задания к другому, ничего не доводя до конца, так как нити, которые они пытались стянуть к себе, рвались у них в руках.

Первое, что они пытались сделать — это сорвать созыв съезда Советов, поскольку день открытия съезда должен был стать последним днем Временного правительства. Все — свои и чужие — знали, что момент восстания приурочен именно ко дню всероссийского съезда. Другого срока не могло и быть, поскольку «брать власть» возможно было только при наличии органа, способного принять эту власть: но такой орган мог создать только съезд Советов. Срыв съезда казался поэтому меньшевикам и эсерам однозначным срыву восстания — или, по меньшей мере, отсрочке его... за время которой они надеялись подготовить силы для его подавления.

Для срыва съезда проведена была широкая агитация, в которой авторитет центральных комитетов «правящих партий» — эсеров и меньшевиков — подпирался авторитетом ВЦИКа и Исполнительного комитета Всероссийского крестьянского совета, послушно шедшего за правыми эсерами. Усиленно работали в этом направлении и армейские и фронтовые комитеты, также заселенные, в большинстве своем, ставленниками эсеровского ЦК.

Агитация результатов не дала, к середине октября стало ясно, что съезд состоится и что переход власти будет на нем решен. Центральные комитеты в связи

с этим сделали резкий оборот — от тактики бойкота съезда, от призывов воздержаться от участия в нем, к тактике мобилизации всех сил, какие они могли только подсобрать «под метелку», дабы создать себе на съезде возможно более сильный противовес большевикам и «придать политике съезда устойчивость и направление, соответствующее интересам всей революционной демократии». Телеграммы с такими директивами разосланы были по всем направлениям.

Особое внимание было уделено представительству фронтовых и армейских комитетов, которые ВЦИК считал за собою: им было отведено 200 мест, не считая «прямого» представительства, от армии (1 на 25 000), которое было разрешено также проводить не прямыми выборами, а на созываемых комитетами делегатских съездах. Этим путем соглашатели надеялись сколотить надежную «фронтовую группу». Эта мобилизационная конвульсия отсрочила созыв съезда на десять дней: он был перенесен с 15-го на 25-е.

Второе ближайшее задание сводилось к сосредоточению чисто боевых сил — и к возможному ослаблению боевых сил противника в Питере, на театре восстания. В вербовке этих сил большевики имели совершенно неодолимые преимущества. Их агитация шла под лозунгом «Долой войну», в то время как Керенскому приходилось свою агитацию строить на лозунге «войны... если не до полной победы, то — до полного изнеможения». Но такой лозунг агитировал за тех же большевиков. В итоге Керенский, со времени корниловщины принявший — для вящего обеспечения своего влияния на войска — должность Верховного главнокомандующего (и положивший себе за эти новые труды новый оклад в 42 000 рублей в год с добавлением 2000 в месяц «на представительство»), терял одну воинскую часть за другой с головокружитель-

ной быстротой. Открытые антиправительственные выступления на фронте участились: с 1 по 9 октября отмечено было 24 выступления, из которых 16 пришлось подавлять открытой силой. Военный министр Верховский в Совете Республики требовал узаконения «применения оружия против анархистских толп», создания штрафных полков, усиления карательной власти командного состава. Но карательные меры могли лишь на короткий срок приостановить движение: те, что «карали» сегодня, завтра выступали сами. История Февраля повторилась во всероссийском масштабе.

В сущности, Керенский мог более или менее рассчитывать только на казачьи части, поскольку казаки побаивались, что большевистский переворот лишит их тех земельных и податных привилегий, которые дала им, в свое время, «царская служба». Совет Союза казачьих войск торжественно заверял, что «казачество скорее позволит отрубить себе руку, чем будет голосовать за большевиков и Ленина в частности». Голосом казачества этого, конечно, считать нельзя, но настроение казаков — и фронтовых и тыловых, «мирных» — революционным, действительно, не было. Но, с другой стороны, не было, однако, в них и активности: они относились к предстоящему перевороту опасливо, но не более. К Керенскому же лично у казаков отношение было, пожалуй, еще хуже, чем у армейских, особенно у казачьего офицерства: ему не могли простить его измены Корнилову.

Кроме «условной» поддержки казаков, правительство могло еще рассчитывать на юнкеров, на буржуазную молодежь, стоящую на «пороге офицерства»: среди них большевикам неоткуда было взяться. Но юнкеров была горсть в сравнении с многомиллионной солдатской массой, над которой давно уже утратили командную власть «господа офицеры».

Керенский весь сентябрь и октябрь беспомощно мотался между Ставкой и Питером; он храбрился; он все еще заверял всех и вся, что «всякая попытка, если бы она была, противопоставить воле большинства революционной демократии и Временному правительству насилие меньшинства встретит достаточное противодействие»... но, думается, и он даже должен был чувствовать, что в деле самозащиты ему придется перенести центр тяжести с попытки создания собственных боевых сил на возможное ослабление и разложение сил противника. Однако и в этой области можно было сделать не много: Керенский закрывал большевистские газеты (с июля по сентябрь было закрыто 17 органов), но они возрождались под другим названием на следующий же день. «Социал-демократ» был запрещен в армии, но он все же доставлялся на фронт; большевистских агитаторов — где это было возможно — арестовывали и сажали в тюрьмы; но таких мест, «где это было возможно», становилось все меньше и меньше, и на место одного заключенного выступал десяток свободных. Он ограничил въезд солдат в Петроград и в Москву: но все, кому нужно было прибыть в столицу на усиление восстания, находили к тому удобные и открытые пути.

Керенский попробовал обезопасить себя хотя бы в одном Петрограде путем отправки «ненадежных гвардейских частей» на фронт. ВЦИКовцы горячо поддерживали этот проект. И, поскольку переход немцев в наступление на Северном фронте, создавая угрозу Петрограду, давал вполне благовидный предлог к такому выводу, правительство рискнуло поставить его официально. Этот шаг окончательно погубил Главковерха.

Приказ об отправке трети петроградского гарнизона на фронт поставил правительство Керенского в то же положение, в котором было царское правительство